

Михаил Белозёров

НИГДЕ

И

НИКОГДА

А когда они вовсе потеряли рассудок и, казалось, готовы были свихнуться от отчаяния – вспыхнул жгучим солнцем, да так ярко, что я глаза от неожиданности зажмурил, а когда открыл, то увидел, что Незнакомец стоит в огненном ореоле и говорит, обращаясь только ко мне: «Ты видишь – они слепы от страсти, как же я возьму вас всех?»

Михаил Белозеров
Нигде и никогда (сборник)

«Остеон-Групп»

2017

Белозеров М.

Нигде и никогда (сборник) / М. Белозеров — «Остеон-Групп» , 2017

В сборник произведений донецкого писателя М.Белозёрова вошли рассказы и стихи разных лет, посвященные гражданской теме, современности и таким непростым современникам и переживаемым им проблемам.

© Белозеров М., 2017

© «Остеон-Групп» , 2017

Содержание

Берег с банановыми деревьями	5
Жена	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Михаил Белозёров

Нигде и никогда (сборник)

Берег с банановыми деревьями

Рассказ

Меня зовут Олвиан. Пет-Олвиан.

Нет, я не американец. Просто моей матери нравятся громкие имена – Джордж Вашингтон или Авраам Линкольн.

Я живу здесь давно – всю жизнь. У меня есть старый армейский бинокль с треснутым окуляром и большой перочинный нож, доставшийся мне от бедняги Гемоглобина. После того как он умер и его вместе с вещами спустили вниз по реке, нож остался у меня, хотя Полковник и был начеку. Ведь я не верю в его бестолковые разговоры и хитрые штучки, которые он таскает с собой и тычет во все предметы, даже после дождя, когда садится перед домом на поваленную сосну, даже когда еду приносят из леса, даже – в рыбу, которую вылавливают из нашей речки. Но это между нами. Теперь он здорово сдал, не то что раньше – летом, например, или весной – животик там и морщины на шее. Но это так, к слову, совершенно не относится к делу. Хотя лично я бы на его месте только бы и делал, что холодной водой умывался – верный рецепт от морщин из старого календаря. Но разве взрослые что-нибудь понимают? Куда там. Думают, что самые правильные.

Немного хитрости – и нож мой. Рукоятку ножа украшают непонятные рисунки. Лысый Ломоть говорит, что это львы, и еще, – что это не рисунки, а барельеф. А мне все едино. Я не очень-то доверяю Лысому Ломтю – по-моему, он немного не в себе. Но главное – в ноже имеются различные приспособления: вилка с обломанным зубом, пила, ножницы и еще одна крученая штука, название которой я не помню. Но самое главное – два лезвия, огромные и блестящие. Правда, чуть поржавевшие, после того, как я прятал нож в реке.

А еще у меня есть череп Мясоеда. Я храню его в дупле старого дуба на поляне. Когда Полковник умрет, я достану череп и всех приведу к своей присяге и все меня будут слушаться – ведь Полковник стар, и ему никто не верит, кроме моей матери.

А еще мне хочется попасть за Тракт в страну Мертвых Полей, чтобы узнать, откуда прилетают белые шары, хотя Полковник запрещает спускаться вниз. Однажды Сержант прихлопнул оттуда полтуши кабана, но ее сразу бросили в реку, а Сержант отмокал в воде, хотя уже был лед, а потом находился «под полным медицинским наблюдением» – как любит выражаться Доктор. Правда, не помню, может, и не было льда, а выпал первый снег, а может, и снега не было. Давно это было – год назад, когда заболел Гемоглобин.

И еще мне нужна невеста для продолжения рода. Так болтает Лысый Ломоть. Невесту можно найти только за Трактом. Когда Ломоть болтает об этом, он неприлично хихикает вместе с моим братом и тычет пальцем, и тогда мне хочется хватить его чем-нибудь по плешивой башке.

Мой брат? Он ни на что не годен. Сидит себе в углу и только умеет, что мочиться под себя да кланчить еду. Утром я всегда вытягиваю его на поляну погреться на солнышке, а потом забираю. Теперь я его свободно могу поднять, а раньше мне всегда помогал Гемоглобин – до того, как заболеть.

Мы живем здесь давно: я, брат, мать, Полковник, Лысый Ломоть, Сержант и Доктор. Был еще Гемоглобин, но он умер.

Самыми последними пришли Доктор и Сержант, а уж Гемоглобин и Лысый Ломоть, так они прямо с «Боинга», что упал на просеку. Ломтя потому и зовут так, что от него один огрызок остался – просто ломоть, а не человек.

Я, брат и Лысый Ломоть живем в одном доме, мать с Полковником – в другом, а Доктор – тот устроился за Системой в «Боинге» или – корыте, как мы его называем, и спит себе на креслах или поперек салона в гамаке. На зиму он перебирается к нашей печке. Один Сержант не имеет дома и вечно шляется по горам, собирает маковые коробочки. Как он не боится Костоломки или Огненного Жака, или Мясоедов – развелось их теперь, хотя пока только на дальних отрогах. Может, он к ним и ходит? Доктор однажды так и намекнул, мол, есть у него основания. Но какие? Пекли мы в тот вечер каштаны – Лысый Ломоть, так ловко приноровился выхватывать их своими обрубками, спросил: «Что ты имеешь ввиду?» А Доктор ответил: «Нет ничего хуже того, если один из нас предаст». «Нет, не похоже...» – рассудил Лысый Ломоть. «Похоже-не похоже, а возьмет и приведет кого-нибудь с собой. Что будешь делать?» «Ну, для этого у нас Полковник есть», – ответил Лысый Ломоть.

Насчет Полковника это он прав был – точно, без преувеличения. Сам могу подтвердить. Но мой брат со страху три дня на поляну не просился. По правде, и мне жутко было – вдруг Сержант какого-нибудь Мясоеда с собой притащит в отместку Полковнику.

Сержант, когда возвращается, чаще поселяется в локаторной. Одна комната там еще сохранилась, и из-за нее он часто ссорится с Лысым Ломтем, потому что Ломоть соорудил там коптильню, а на «дымок» ему наплевать. Сержант всегда свистит, чтобы мы его впустили – с Полковником-то у него дело дрянь, штатный армейский Кольт калибра 5,6 всегда наготове, и один раз Полковник уже продырявил Сержанту бок. Доктору пришлось порядком повозиться, чтобы вытащить его с того света, хотя, по его словам, он нее практиковал со времен Христа.

Кто такой Христос? Вы не знаете? Я тоже – понятия не имею. Какой-нибудь президент за этим чертовым Трактом. Как-то моя мать рассказывала что-то о нем. По-всему, он был порядочным прохвостом, раз его распяли еще до войны. Моя мать утверждает, что он наш отец. Хотел бы я быть сыном президента, хотя сейчас это ровным счетом ничего не значит. Правда, может быть, тогда Лысый Ломоть не вязался бы ко мне со своими глупыми разговорами о невесте и не изводил, когда жутко хочется спать, рассказами о жене-блондинке. Лично я блондинок в жизни не видел и даже не знаю, как они выглядят. Ломоть утверждает, что у нее были «голубые глаза в пол-лица и длинные-предлинные ресницы». Жили они в Оклахоме и имели собственное дельце – закусочную и станцию заправки на трассе в Додж-Сити. В тот самый день он полетел к приятелю в Калифорнию, а очутился здесь. Когда Лысый Ломоть доходит до этого места, голос у него становится хриплым, и он начинает заикаться, словно жует подгоревшую лепешку. Раньше в этом месте Гемоглобин всегда подавал голос из своего угла и говорил – «так даже лучше...» или «теперь живые завидуют мертвым...» В общем, успокаивал. Они всегда ладили – Гемоглобин и Ломоть.

Я сижу в темноте при свете коптилки, если спать не хочется, а Лысого Ломтя прорывает сразу после еды, и подмаргиваю брату, и оба хихикаем – всегда смешно, когда взрослые плачут. Мы даже иногда нарочно просим рассказать о семейной жизни – страшная умора глядеть, как он мычит и льет свои слезы. Он специально выбирает темное время, чтобы не было видно слез. Луны-то теперь нет. Раскрошили – одни осколки остались. «Лучше бы я не летел, – наконец стонет он, – лучше бы я не летел...» И так у него здорово получается, просто скребет за душу, что в этом месте у моего брата отвисает челюсть и может случиться припадок. Но все равно нам смешно – я же говорил, что Ломоть немного тронутый, хотя Доктор утверждает, что все мы здесь тронутые, но я себя таким не считаю, и Гемоглобин тоже не считал – даже когда у него все началось и Доктор переливал ему кровь. Гемоглобин всегда был веселым, вот с такой бородой и смешливыми глазами.

Ломоть утверждает, что у Доктора припрятано еще что-то посильнее нашего «дымка» – оттого он такой отшельник, и Сержанта он только этим и спас, – так говорит Ломоть. Иногда он посылает меня следить за ним. Какая ему нужда, не знаю. Только Доктор, как и Сержант, любитель шляться по горам и всегда у него есть какой-то план, и ходит он осторожнее Мясоедов. Когда-нибудь я его все же выслежу. Чаще же Доктор сидит себе перед «Боингом» и курит «дымок».

Мясоеды теперь огромные и лохматые. Но в долину редко забредают. Зачем им наша долина, если еды вокруг завались, да и зимы здесь прохладные, не то что за хребтом. Одна моя мать боится и еще – брат, потому что оба ни разу в глаза их не видели. А чего бояться – одна лохматость, а соображения – никакого. Доктор раньше говорил, что Мясоеды – новая раса, а теперь, – что это наше испытание. Насчет расы ничего не знаю и не спорю, зачем спорить, в чем не разбираешься. Но, по-моему, наши дела не так плохи, и Лысый Ломоть так считает, – Полковник каждый день проверяет Систему вокруг Базы. Мясоеды приходят кричат нам что-то, а когда лезут напролом, тут их, конечно, и парализует. Но такое случается не часто.

Сегодня я снова пойду к Тракту. По правде, я давно туда хожу тайком от матери и Полковника. Доктор и Лысый Ломоть догадываются, но для них это дело десятое. Они и сами не прочь сбегать на склон. Всех туда тянет. Недельку посидишь за Системой, страх как хочется, даже мурашки по спине ползут. Даже ночью побежал бы. Только ночью можно с дороги сбиться и забрести в заросли Огненного Жака или Костоломки. С Костоломкой-то ясно, даже Мясоеды из нее не выбирают, череп я ведь палкой выкатил. А от Жака есть верное средство – горошины черного дерева за рекой. Гемоглобин его еще как-то странно называл, и они с Доктором долго спорили, но Гемоглобин всегда доказывал свое, потому что когда-то был профессором в Сан-Диего. Съешь одну горошину – только зудит, две – даже боли не чувствуешь, а три – иди себе напролом, только в Костоломку не влазь. Гемоглобин глупых советов не давал. Жаль его, умер он. Все мы рано или поздно умрем от этой болячки – так утверждает Доктор. Недаром он шастает по округе, все какие-то травы собирает. Сварит и пить заставлял. Он и Незнакомца заставлял, пока не убедился, что он здоров, как твой мерин.

О Незнакомце я еще не рассказывал? Странно. Как это я упустил? А ведь он пришел к нам из страны Мертвых Полей. С тех пор они все тайком на склон и бегают, просто ошалели от ожидания, думают, кто-то нам поможет. Один я знаю правду, но никому не рассказываю. Зачем? Все равно никто меня не слушает. Соберутся и галдят без умолку все разом... даже противно слушать, а решиться ни на что не могут. А почему? Потому что ничего не знают, не понимают и еще потому, что друг другу не доверяют. Это ведь они только на словах верят, а так не верят; а потом накурятся «травки» и засыпают. Один Лысый Ломоть, помешанный на своей блондинке, не курит, да еще Полковник, когда у него колено не болит. А ведь с Незнакомца все и началось и с Гемоглобина, пожалуй. Но это я только сейчас сообразил.

Обычно я иду по реке, по правому рукаву, что помельче. Система здесь проведена сверху, потому что зелень по берегу густая и яркая, а на других участках трава вообще не растет. Ну вот, спускаюсь, значит, ниже, выхожу на берег в том месте, где бухта с каменистым дном и ольшаником поверху, выливаю из ботинок воду и прямиком по тропинке. Только спешить особенно не надо, потому что тропинка все время зарастает и Костоломка может свой шип выставить. Пока идешь по лесу, еще ничего, а как выходишь к склону, держи ухо востро и не зевай, потому что здесь она по краю на солнце и растет. Дальше тропинка спускается в боковое ущелье, по которой иногда эти самые Мясоеды и забредают. Ущелье поперек пройдишь, взберешься наверх через каштановую рошу – и вот он, твой склон, – пожалуйста, а за ним Тракт, над которым словно горячий воздух колышется. Только ветерок оттуда не дует. Бросишь камень – отскакивает, и все гудеть начинает – вначале едва слышно, как пара

сторожевых шершней над ульем, а потом так расходится, что по одежде искры сыплются и волосы трещать начинают. Тут такой страх нападает, что сразу подальше убраться и хочется. Залезешь назад на склон, а она там внизу еще долго исходит разноцветными переливами. А теперь сами посудите, как Сержант через Стену перелез? А? Вот то-то – загадка. И мне непонятно. Но от него добиться – хуже нет, бормочет невразумительное то о каких-то прозрачных людях, то о пиве, или еще – надумал, что умеет его варить. Какие люди? Какое пиво? Из-за этого Полковник его три дня без «дымка» держал.

За Трактом ничего особенного нет. Речка наша блестит между холмами, да облака ходят как по заказу. Ничего особенного, но только на первый взгляд – если прямо смотреть, а смежишь веки, повернешь голову – вот они и летят эти дурацкие шарики и звездочки и пропадают между холмами. Спросите, что это такое? Никто не понимает. Только Полковник как узнал, едва дальше в горы не ушел – говорит: «Навидался я этих шариков досыта». С тех пор этой Стены и стали бояться. Почему нас туда не пускают? Только я один раз сквозь нее прошел... Не верите?! Я бы и сам не поверил, если бы мне такое наплели. А случилось это на третий день после смерти Гемоглобина.

В тот день мне ужас захотелось на склон, но до обеда никак не удавалось. Вначале я ходил с Лысым Ломтем проверять верши, потом мать заставила колоть орехи, а потом и брат запросился на поляну. Выволок я его и слежу, как бы незаметнее улизнуть. Брата я потом назад успею забрать, до того, как ему наскучит играть со своими игрушками. Но тут Доктор позвал меня. Позвал, поставил вот так между коленями и смотрит хитрющими глазами. «Что-то мне, – говорит, – скучно стало и сон плохой приснился, будто Гемоглобин вернулся. Ты ничего не знаешь?»

И тут кто-то меня по плечу легонько так – «хлоп!» Даже Доктор заметил. Вытаращился, а я оглянулся – никого. Чудеса, да и только. Вот, пожалуй, и начало.

Доктор помолчал и говорит: «Сходил бы что ли на склон. А? Поглядел бы, все ли по-прежнему. Я бы и сам, да только Полковник сегодня не в духе, с Сержантом, что ли повздорил или с матерью твоей. А ты маленький, пронырнешь в каждую дырочку. Глянeshь и назад. Договор?»

Ладно, чего там – первый раз, что ли. За братом он обещал присмотреть.

Напомнил еще насчет Костоломки и Мясоедов, но это когда я уже возле речки был. Оглянулся. Мать на кухне хлеб печет, Полковник в Системе копается, Лысого Ломтя нет – видно, опять в коптильню подался, брат камушками забавляется, а Доктор совсем в другую сторону смотрит. Поднырнул под Систему и пошел, и сразу почувствовал – что-то не то. Бывает так: перегреешься на солнце и голова, словно таз, звенит и хочется побыстрее в тень убраться. Только у меня еще и мурашки по телу побежали, потому что почудилось, что тот, кто хлопнул по плечу, снова рядом появился и шаг в шаг идет. Мало того, что идет, а еще и бубнит: «Хи-и-и-трый какой, хи-и-и-трый какой... стену ему подавай, стену ему подавай, а пропуск? а пропуск?... сам себя обдуришь, сам себя обдуришь... не ходи! не ходи! не ходи-и-и!» Вначале мне даже страшно стало – хотел было назад повернуть, а затем решил – может, это просто в голове что-то вертится само по себе и не стоит обращать внимания. После про это я долго думал, но ни до чего путного додуматься не смог. Опять же – может, Незнакомец, а может, кто-нибудь другой – кто его знает.

Во вторую половину дня лес всегда кажется темным, но в тот раз все было иначе – так, словно раннее утро наступило: на траве и листьях роса лежала, а по низине, вдоль которой надо было идти, над прелой листвой, необычный туман стелился и стоял странный запах. Но вначале я этого не почувствовал – Мясоеды редко так близко к Системе подходят, отпугивает она их. Но то, что они так пахнут – это точно. И туман был какой-то желтоватый и даже не стелился, а поднимался, колеблясь, струйками из травы, хотя ветра – никакого.

Лес в этих местах редок, и я их сразу увидел – их широкие черные спины. Стояли они перед лощиной и куда-то вниз смотрели, а тот, что слева, даже руку к глазам приложил, словно Полковник, когда что-то выглядывает.

Я их раньше никогда вблизи не видел. Шеи у них почти нет, а голова сразу переходит в плечи, и стоят обычно они ссутулившись, почти что горбатые, а шерсть на боках до земли свисает, как мох с деревьев.

Так мы и замерли – они там, а я у лощины, только страха у меня совсем не было, даже интересно было, чего они увидели? Потом один, что слева, у которого еще локти, словно в муке вымазаны, произнес: «Жуткий туман-то... а?», а второй ответил: «Как по заказу, как всегда, видать, снова к поганцу». «Свят, свят, опять накличешь, – говорит тот меченый, – забот нам что ли мало?» «Крестная сила, крестная сила, – забормотал второй и попятился, – вот беда-то и не отвертеться!» «Куда уж отвертеться, как бы самому целым остаться». Тут его напарник и заметил меня, глаза у него разом красными стали, и он весь затрясся. А его товарищ ему: «Тише, не пугай, я его давно приметил, может, его и сунем?» «Чахл больно, не годится, не возьмут такого, да и не нашей породы». «Чахл не чахл, а попробовать можно...»

Дальше я, конечно, ждать не стал, а развернулся и припустил вдоль лощины – почему-то мне сразу в этот туман бросаться не хотелось, а они побежали следом, все время в спину мне что-то крича. И пробежать надо было всего-то до речки под Систему, а там уже Полковник со своим пистолетом. Но тропинка почему-то стала выводить совсем в незнакомые места, а Мясоеды сзади все наседали и кричали: «Куда-а-а!?!.. куда-а-а!?!..», и все норовили отжать на взгорок, где мне с ними уж совсем не тягаться. Добежал я до того места, где лощина чуть поворачивала, и чувствую – во всю ломятся, вот-вот нагонят, ну не дальше, чем у тех елок, даже оглядываться жутко. И кричать уже перестали, только «бух-бух» пятками по мокрой траве. У меня даже ноги стали подкашиваться и в горле пересохло. Только в этот момент меня словно кто-то приподнял за плечи, так что дыхание перехватило, и толкнул в этот самый туман – сам бы я ни за что на свете в него не полез – что я трус какой-нибудь, что ли? Туман только снаружи казался редким, а внутри чудной какой-то – плотный такой, что ничего нельзя было разглядеть. С перепугу я еще немного пробежал, пока не запутался в кустах, а потом замер, потому что те двое следом не полезли, а остановились и кричать принялись: «Вернись, дура, мы тебя, ей богу, не тронем, нам люди ни к чему, мы к ним равнодушны!..» Только я их слушать не стал, а двинулся наобум, потому что ничего видно не было, и еще я боялся, что они надумают ловить меня снова. А они продолжали кричать: «Берегись оборотня, выходи назад, мы тебя к твоему Полковнику отведем». «Нет, – думаю, – дудки, нашли простака, теперь я и сам выберусь без вашей помощи, себе дороже будет».

Долго они так кричали и звали назад. Хорошо еще, что Костоломка влажные места не любит, а Огненный Жак против жмени черных горошин просто чепуха. Только вот что-то в нашем лесу я такой лощины припомнить не мог – не было ее и все, мне ли не знать, хотя, кто знает, может, и была, может, я ошибаюсь, – потом она вовсе в овраг превратилась с ручьем под ногами и зарослями кислого винограда. И туман никак не рассеивался, напротив, – становился все гуще и гуще, под конец пришлось его руками раздвигать, словно воду в нашей речке, и кончился он совершенно неожиданно – вот только что был в нем, сделал шаг и вывалился... на солнечный двор. Большой такой двор, абсолютно белый. С трех сторон стеной огороженный, с какими-то клетками в глубине, и воротами позади.

Стою посреди этого двора и ничего сообразить не могу. Как здесь оказался? Куда идти?

Вдруг замечаю что-то около ворот шевелится, пригляделся – сидит кто-то в желтом яловом панцире и в этой загородке дыру заделывает. Хотел было спросить, куда я попал, и вижу, а у него из панциря вот такие шипы торчат и железная шапка на голове блестит, а рядом на земле плетка лежит – почище нашего Полковника будет, – спинушка – во, руки – что твои бревнышки, которые у нас на поляне навалены, а сам похож на римского легионера –

уж лучше, кажется, дело с Мясоедом иметь. Но тут меня заметили. Заорали. Выскочили откуда-то еще двое и молча уставились, и тот, у ворот, тоже – вроде бы, прикидывают, как бы половчее прихватить.

Потом один закуривает и говорит:

– Таких еще не бывало.

– Факт, не было.

– Может, он есть хочет?

– Может, и хочет, кто его знает?

– Нет, не хочет, – говорит тот, что стену ремонтировал, – если бы хотел, сразу к корыту побежал, они все бегают...

– Верно, побежал бы.

– Факт, побежал бы!

– Значит, он не наш.

– Интересная версия. А чей?

– Их там сейчас, знаешь сколько? поди разберись.

– Теорию ифмафтетелевизма помнишь?

– Помню, ну и что?

– А то, что зазеркалье ничего так просто не выплевывает.

– Ну ты даешь! А лохматые?

– Лохматые? Лохматые пробирочные, им сам бог велел.

– Но ведь фоновая инвариантность почти неизменна...

– Правильно, но только не в точке сингулярности.

Тут они, вроде бы, обо мне забыли и принялись о чем-то спорить, а потом и говорят:

– Иди сюда, мы тебе каши отвалим, хорошая каша из бобов...

Только каши той я отведать не успел – что-то блеснуло в воздухе, как голубой хлопок, даже странно как-то запахло – серой, что ли, а потом сразу – «хрясь-ь-ь!!!», и один уже лежит, а во дворе Мясоеды дубинами размахивают и на этих самых в желтых телячьих панцирях напирают, а сами воют дикими голосами: «А-а-а!!! Кровопийцы, говнодавы, упыри белокожие, попались!!!» Я в такие моменты сам себя не помню, потому что в большой красный пузырь превращаюсь и ярости во мне хоть отбавляй и растет она у меня до тех пор, пока не лопается, и тогда – берегись! А Мясоеды гоняют тех в панцирях по двору и все норуют от клеток оттеснить.

Что там дальше было, не знаю. Забегали. Сирены завывали, а я того, что стену ремонтировал, ловко так боднул под живот, как раз туда, где у него место незащищенное. Хорошо так боднул – он даже присел, и прыгнул в эту самую незаделанную дыру и побежал. Только когда побежал, обо мне Незнакомец и вспомнил: «Ид-и-и сюд-а-а... иди-и-и сюда-а-а...» – зовет. В общем, добежал я до леса, а на лугу, странное дело, козел-не козел, пасется – белый весь и с двумя рогами. Слышу – а в голове: «Ника-а-а-к прибе-е-е-жал!.. ника-а-а-к прибе-е-е-жал!.. молодец». А потом, глядь, – уже не козел, а человек, поднимается и отряхивается. «Эко, тебя занесло, – говорит, – вроде бы, не положено...» А у самого прямо на глазах козлиные очесы в бороду превращаются. Пощупал он ее и говорит:

– Не обращай внимания, теперь у нас всех так... Чего ты от лохматых бегаешь? – спрашивает. – Ладно, ладно, все знаю – заблудился.

– Ну что мне с тобой, – говорит, – дурачок, делать?

Не понравилось мне это, сразу сказать могу, не люблю, когда дурачком называют – хотя бы и ласково. Да и не ласков он был, и не хмур, а как-то странно, непонятно – равнодушно скорее, как те о Мясоедах, вроде бы, – безразлично, а в то же время с угрозой.

– Ладно, – говорит, – сахара хочешь, видно, ты сластена.

Я тогда ничего сладкого в жизни не ел. Гемоглобин, небось, обжирается.

- На, – говорит и протягивает на ладони что-то белое. – Где живешь-то?
Взял я этот камушек и не знаю, что с ним делать, а Незнакомец советует:
– Положи на язык и соси.

В общем, мне потом Лысый Ломоть сказал, что продал я их за кусок сахара и что ничего в нем особенного нет – углеводы одни. Если бы я знал, я бы назад в туман подался, хотя мне-то лично Незнакомец ничего плохого не делал. Иногда только сожмет кулак, а потом разожмет – вот он и сахар. Эх, попробовать кусочек, что ли? Иногда мне удается – надо только сильно-сильно скататься в комок, сжаться-сжаться и глаза открывать медленно-медленно, и тогда он может и появиться прямо в воздухе – я сам этому научился, даже мать не знает, не говоря уже обо всех остальных, а то начнут клянчить – дай да подай. Брата иногда угощаю, потому что он все равно разговаривать не умеет и никому ничего не расскажет, а остальных – нет. Был бы жив Гемоглобин, я бы и его угостил – что мне жалко, что ли? Плохо, конечно, что он умер, хотя теперь любой ему позавидует, надо только смекнуть. Вот я сразу смекнул, а остальные... – куда им до такого необычного понятия, да и боязно, как Мясодам – ведь они что-то вроде подопытных кроликов. Это мне Доктор недавно сказал, а ему – Незнакомец, потому что на Базе он ему профессором медицины представился. Но какой же он профессор, когда я сам видел, как он пасся на поляне и блял, но когда я думаю об этом, он всегда палец к губам прикладывает и сразу же молчать хочется. Я и сейчас молчу и все больше думаю, занятное дело – думать, можно придумать все что угодно, но я все больше, конечно, о Незнакомце думаю и о том, как он так ловко оборачивается. Только рассказывать об этом мне не велено. Я ведь знаю, что он какой-то необычный – не человек и не зверь, – как желтый туман, что ли? Вот сами рассудите – даже самый редкий дым костра с ним – в никакое сравнение. Теперь-то я догадываюсь, что это он меня тогда в лесу выручил, хотя, когда я спрашиваю, он только пальцем молча грозит и хмурится. Ну раз не велено, значит, не велено, и так проживу.

Тут я ему отвечаю: «Конечно, уважаемый, странный у вас лес... только вон из того дерева почему-то рука торчит уже битых полчаса...»

– Э... – удивляется он, – правильно... да ты, брат, полмира видишь, оказывается...

– Да, – говорю, – а еще у вас над тем лесом разные шарики падают.

– Ну если ты такой шустрый, то посмотри, что на самом деле делается, – и проводит вот так по моему лбу. А когда он ладонь с глаз убрал, я все и увидел.

Тракт наш совсем не трактом оказался, а центральной улицей, до самого горизонта, вдоль улицы дома многоэтажные стояли с зелеными плоскими крышами, а окна тех домов и витрины на застывшую воду походили. По улицам разный народ ходит – никогда столько людей не видел, машины разноцветные ездят – совсем, как на картинках в журналах, а в небе ихние самолеты летят, – те самые, которые мы за красные шарики принимаем. На деревьях разные плоды и яблоки висели, а на перекрестках всякими товарами торговали и сахаром тоже. И чудно так торговали, словно я сам этот сахар покупал и ел. Только он на деревянных палочках был насажан и походил на замороженное молоко. И конечно, никаких тебе оград вокруг – иди куда хочешь, и никаких Мясоедов. Только люди вокруг совсем не разговаривали, а радостно улыбались и руками друг другу махали, а с неба колокола тихо звучали. Я и сейчас, если прислушаться, слышу... И вы должны слышать... Не может быть, чтобы вы не слышали. Сержант – тот тоже не слышит, и – Полковник, и – мать, не говоря уже о Лысом Ломте. Доктор здорово сомневается. Но ведь звучит. «Дзинь-нь-нь!.. дзинь-нь-нь!.. дзинь-нь-нь!..» – единственное, что из мира в мир пролетает без всяких задержек. Это я тоже сам догадался. Да... Вдруг из ближайшего дома Гемоглобин вышел – странно как-то, ногами не передвигает, скользит над травой, улыбается. Я его всегда узнаю по этой улыбке, никто так не умеет улыбаться, как Гемоглобин. Борода, вроде, у него кольцами закручена и лоснится. В голове у меня разные мысли начали вспыхивать, да так здорово, словно зеленые надписи зажигаются: «Как вернешься, – не разжимая рта, говорит, – передавай привет

всем». «Хорошо, – киваю, – передам». Доктору скажи, что встретил меня, что я теперь полностью здоров». «Ладно, – отвечаю тоже молча, – скажу». «Скажи, что я через сорок дней диадехом стану и улечу». «Ладно, – соглашаюсь, – за мной не станет, а что это такое?» Тут он поворачивается – мне даже обидно стало – не чужой все же, – и в свой дом уходит.

И все, вроде бы, ничего у них в этом городе, весело и чисто, – только хочу вам сразу заявить, что у них в тех клетках, за белым забором, ведь Мясоеды сидели – ох, и орали же они, когда, те с дубинами, за кожаными панцирями гонялись!

Незнакомец говорит: «Полезай-ка, брат, на спину, а то ничего не получится».

Подсадил он меня к себе на плечи, так мы эту самую стену обратно и прошли насквозь, и я ничего не почувствовал – ни капельки, только в одном месте волосы словно бы дыбом встали, но я не особенно испугался.

Перенес он меня, ссадил, а позади уже ничего нет – опять голые холмы и звездочки падают, – словно сон приснился.

А потом как-то враз мы у ворот очутились, у самых главных, где «Боинг» лежит, и предупредить о Полковнике я никак не успел. В общем, стоило нам приблизиться, как Полковник выхватил пистолет и стал кричать, что поймал дезертира, самого главного дезертира. Но вначале он впустил нас за свою колючку, и я лично с той минуты его не интересовал, хотя в любом другом случае мне бы здорово влетело. Он просто весь позеленел от злости, навел свой дрянной пистолет и заставил Незнакомца поднять руки, а потом стал вопить про своего дезертира.

– Это тебе так просто не пройдет! – кричал он, – ты у меня живо сознаешься!

А Незнакомец просто стоял, и я даже со спины чувствовал, как он улыбается.

– Марта! Марта!.. – вопил Полковник, – сейчас он заплещет у меня, как вошь на блюде!

Совсем он сдурел со своей ржавой железякой. Она у него и стрелять, наверное, не умела. Но все равно поднял такой шум, что мой брат тоже в крик ударился.

Первым прибежал Доктор – он-то почти в курсе дела был. Выскочил на крыльцо и смотрит то на меня, то на Незнакомца, – выходки Полковник его давно не интересовали, – а потом вдруг так явственно и говорит:

– Чарльз, как вы здесь, а я вас ждал не раньше пятницы...

Потом приковылял Лысый Ломоть и дара речи лишился – смотрит и ртом воздух хватает.

Доктор говорит:

– Позвольте поздравить вас с пятидесятилетием! Как продвигается работа над рукописью о видах? Говорят, вас поторапливает доктор Алфред Уоллес?..

– Да нет, – отвечает Незнакомец, а сам на моих глазах в какого-то дедушку превращается – в котелке и с тросточкой. – Видите ли, не хотелось бы делать поспешных выводов...

Лысый Ломоть наконец как завопил:

– Гретга-а-а!!!.. любовь моя!!!

Полковник совсем рассвирепел:

– Где вас, ваше превосходительство, господин президент, столько времени носило!!!

– Я был в отпуске, – отвечает Незнакомец, и уже у него появились очки и спина выпрямилась – вроде бы, и в плечах раздался, – только почему вы интересуетесь?

– Как... как, почему? – запинается Полковник.

– Да, вот именно, почему? – интересуется Незнакомец.

Доктор, словно глаза протер:

– Я ошибаюсь? Кириак! (так звали Гемоглобина), Боже! Только сразу не исчезай...

Доктор-то – не дурак, единственный что-то заподозрил. Ведь они ничего не видели, один я видел, как Незнакомец менялся от их воплей.

– Точно, вот теперь ты меня узнал, а тот первый господин лет сто назад почил.
Моя мать в слезы:

– Фрэд! Фрэд!.. Я тебя так любила, почему ты мне ничего не объяснил?

– Я не успел, моя дорогая, ты помнишь, какая была суматоха.

– Я никак не могу забыть тебя...

– Когда-нибудь я все расскажу тебе, моя родная.

– Только не откладывай, слышишь, не откладывай, слышишь!

– Если бы все в этой жизни зависело от меня...

– Я боюсь, что ты снова пропадешь!

– Постарайся не очень огорчаться, все мы смертны...

– Будь все проклято...

– Не забудь, мы обручались в Сен-Лоране...

– Я все помню, мой родной...

Наверное, своего папашу мне следовало узнать сразу, как это я растерялся. Все-таки крепкий у меня старик и форма ему к лицу, одни галуны чего стоят – блестели, как золоченые.

Наконец и Сержант из нашей конуры вылез и сигарету предлагает (ему-то на крик спешить не стоит):

– Я знал, что тебя не убило в той атаке, – говорит, – ты мне часто по ночам снишься. Помнишь, бордель «Ранчо Мустанг» под Ришо, где мы торчали полгода. Одной выпивки – целое море. А девочки... от воспоминаний слюнки текут. Я там едва не женился на Джой, мы с ней квартиру снимали. Помнишь, Йорика, трубача из пятой роты? Ему ногу оторвало. Я его встретил, когда мне на заднице чиряки резали. Ковыляет на костылях, кроет всех направо и налево: «Ложил я теперь на войну, говорит, теперь меня вчистую спишут. Главное, красивый протез достать, будто бы есть такие...» А я у него спрашиваю: «Как же ты теперь на баб влезать будешь, с отстегнутым или пристегнутым?» «А это мы увидим», – отвечает. И точно, залетели мы к троим красоткам на ночь – не соврал, так и сделал. А у меня заминка вышла – я ведь сидеть не мог, так и пролежал вверх пятой точкой. А ты по ночам мне снишься. Ты и Макс. Он даже похоронку не стал заполнять – мы знали, что у тебя был шанс через подвалы уйти... Но его тоже накрыло, помнишь, – силикатной грязью, – когда мы драпали из Ганновера».

Теперь на месте Незнакомца солдат-пехотинец стоял в зеленой защитной форме, высокие ботинки у него в глине были вымазаны, а из-под локтя приклад лучевого пистолета-пулемета торчал.

Лысый Ломоть:

– Дорогая, не смотри, что я теперь такой, обними своего пупсика!

Тогда-то я и увидел, какими блондинки бывают. Ей богу, я сразу влюбился. Она даже лучше, чем красотки в колоде карт у Сержанта.

– Логги-и-и... – так она называла Лысого Ломтя, – ты мне надоел, сколько можно – одно и то же, смени пластинку!

– Да разве я тебя чем-нибудь обидел? – удивлялся Лысый Ломоть.

– Этого еще не доставало, но мне, как женщине, всегда не хватало внимания...

– Гретта, о чем ты говоришь, я так люблю тебя!!!

– Мне надоел, от тебя все время воняет бензином!

– Как ты похожа на свою мать...

– Не трогай мою маму!!!. Она так страдала, когда я выходила замуж.

– ... и поэтому ты путалась с моим братом!

– ... по крайней мере, он понимает толк в сексе!

– Гретта, ты погубишь наше семейное счастье!

– Только не пробуй меня разжалобить!!!

- Кириак, дружище, я словно тронулся, ведь у тебя отпадала кожа с пальцев?
- Как видишь, все нормально и я снова могу держать сигарету и тебе не надо мне помогать.
- Нет, Кириак, в это трудно поверить! Может быть, ты только муляж. Гемоглобина, можно к тебе прикоснуться?
- Это не так важно, лишь бы ты верил.
- И все-таки, мне так хочется. Я знаю, что иногда с людьми такое случается.
- Главное – не бойся, это не самое худшее.
- Дай, я обниму тебя, дружище!
- Мы все стремимся к прекрасному!
- Вот теперь я узнаю тебя, Кириак!
- Все непонятное – всегда обыденно!
- Мы еще поспорим с тобой на эту тему.
- Нам нужно научиться заглядывать в себя!
- Полностью с тобой согласен – как можно глубже.
- Мать, наверное, получила похоронку позже, – говорил Сержант. – Какой только толк в ней, все равно все мертвы.
- Она не долго горевала, я добрался домой через пару недель.
- Пару недель!? – но они должны были погибнуть к этому времени?
- Я и говорю – она почти не горевала. Мне ли не знать свою мать – наверное, удрала с отчимом подальше в горы, нагрузила барахло и удрала.
- Значит, ты тоже дал деру...
- Разумеется я не зелень, которую кидали в самые гиблые места.
- Да, из тех, кого бросили в атаку на голубую пустыню, никто не вернулся. По крайней мере, так у нас болтали, пока жандармерия не укоротила некоторым языки.
- Я помню драку и панику в крысиных ловушках.
- Они облили нас какой-то гадостью.
- Но мне повезло – в самом начале они не знали нашей слабости и обыкновенный противогаз мог спасти, но только тренированных людей. До войны я был чемпионом по подводному плаванию и мог пронырнуть метров сто.
- Я тоже ждал момента, чтобы расстаться с веселым Максом. Но все же через ржавые холмы мне пришлось пройти. С тех пор железом во рту клацаю, боюсь, что я внутри теперь весь железный.
- Мы все были пушечным мясом.
- А пластилиновые топи? Люди проваливались по пояс и застывали. Даже спирт не мог их отогреть. Они замерзали тут же, сразу, и торчали, как серые чушки.
- Меня спас только развал фронта.
- Слава Богу, нам не надо уже воевать.
- Самое лучшее, что придумали люди – это мир.
- Здорово сказано, старина, – как в книге!
- Что же с нами будет? – спрашивала мать.
- Слишком сложный вопрос, чтобы на него ответить просто так.
- Мне иногда кажется, что я живу совсем в другом мире, не таком, как до войны, – говорила мать.
- Отчасти ты права, – рассуждал отец, – временной фактор стал играть меньшую роль и подложка проявляется явственней, но я не в праве распространяться на такие темы.
- Что-нибудь очень нехорошее? – настаивала мать.
- Нет, моя, родная, – улыбался он, – и к тебе не имеет никакого отношения.
- Мне так страшно... – шептала она.

– Не стоит волноваться из-за чепухи, – отвечал отец, – воспринимай жизнь, как поток событий.

– Тебе легко говорить, – возражала мать, – ты пришел издалека...

– Нам всем одинаково тяжело... – говорил отец.

– Значит, нам ничего не простится? – не сдавалась мать.

– Вы ни в чем не виноваты, – отвечал отец.

– Вы же главнокомандующий! – кричал Полковник.

– Штаб был разбомблен, – отвечал Незнамец.

– Правильно! Но резервный, в шестой зоне?

– И он тоже.

– А командный центр под Парижем?

– Они применили проникающие лучи.

– Не верю!!!

– ...слишком быстро, чтобы мы успели убраться. Большие потери...

– А компьютерный штаб в Скалистых горах?

– ...выдержал не больше трех залпов.

– Не может быть!..

– ...совершенно разные уровни. Они считывали наши планы до того как мы успевали их реализовать. Практически, мы были крайне уязвимы. К тому же примерно через месяц мы поняли, что воюем сами с собой.

– Объясните!!!

– Дело обернулось таким образом, что боевые действия велись с подлунным миром, так называемой низшей подсистемой сознания. И это обернулось крахом... Реального противника, увы, не было... Миф... Легенды...

– И это вы говорите мне, мне кадровому военному! Теперь мне понятно, где таилась наша слабость – мы были, как вареное мясо на дорогах, мы его много накидали на радость им.

– Теперь там ничего нет.

– А, кстати, как вы прошли?

– У меня иммунитет.

– Какой еще, к черту, иммунитет?!

– Нам делались особые операции...

– Что это еще такое?

– ...чересчур дорогие, чтобы применять в массовом порядке.

– Господин президент, считайте, что вам крупно не повезло, лучше бы вы к Мясоедам забрели!

Моя мать кричала:

– Фрэд, тебе нечего сказать – ты бросил меня с пятимесячным Петом на руках!

– Гретта! милая, я что-то не узнаю тебя, подойди ко мне! – не унимался Лысый Ломоть.

– Нам здорово пофартило, что мы живы остались, – ревел Сержант, – заходи курнуть!

– Чарльз Дарвин, это опять вы? – спрашивал Доктор, – что-то никак в толк не возьму...

Может быть, так бы все этим и кончилось – наговорился каждый и дело с концом, но они вторили не переставая и все разом:

– Ваше превосходительство!..

– Кириак, что с тобой?!..

– Фрэд! Фрэд!

– Гретта, я здесь!..

– Бедный Йорик!..

А Незнакомец оборачивался все быстрее и быстрее – так что временами мне казалось, что я вижу беспрестанное мелькание желтых зайчиков.

А когда они вовсе потеряли рассудок и, казалось, готовы были свихнуться от отчаяния – вспыхнул жгучим солнцем, да так ярко, что я глаза от неожиданности зажмурил, а когда открыл, то увидел, что Незнакомец стоит в огненном ореоле и говорит, обращаясь только ко мне: «Ты видишь – они слепы от страсти, как же я возьму вас всех?» И сразу в меня такая ясность вошла, словно все что я вам рассказывал, правдивее правды быть не может и никогда не будет, словно жизнь там, в городе, за Стеной, – самая настоящая и все важное происходит только там, а не здесь, словно, стоит нам вырваться за Стену, и мы никогда кричать не будем, а Полковник – размахивать и грозить своим пистолетом, и еще – хотя мы их не видим, это не значит, что их нет. Есть они! Есть! Это точно! Просто они немного другие, и все! Вот что я понял.

Ну а потом все просто кончилось. Покричали они – конечно, совершенно впустую, и утихли. Полковник, хоть и шумел громче всех, отвел и запер Незнакомца и сел его сторожить. Неделю сторожил, каждый вечер допросы вел. Мать Незнакомцу еду носила, только он наши консервы не ел. А в конце Полковник объявил, что трибунал назначается и что это будет самый справедливый трибунал. Ночью мы пошли с Доктором и вывели Незнакомца за Систему.

Иногда я думаю, что Полковник не зря всего боится, даже когда вся эта история кончилась, все равно боится, и мы все боимся, боимся и ждем. А чего ждем? Ждать-то нечего! Не придут они за нами, ни к чему мы им, так же, как и Мясодам, которых они к себе таскают. Изгой мы, что-то вроде отверженных, чумных, или меченые, что ли. Но опять же, повторяю, я это только сейчас понял. Жалко, конечно, что ты никому не нужен, как-то неуютно, отрешенно, сам по себе, сидишь за стеклянной оградой. Мать вот жалко и Гемоглобина, который умер. Правда, Гемоглобину теперь лучше живется, уж поверьте, и совсем он не болеет. Незнакомец постарался, он для всех нас постарается, но только потом, не сейчас, через год, когда речка морозами схватится и на дальних отрогах появится снег, а может, и раньше. Мне, честно говоря, здесь до чертиков надоело, только что делать – не наше сейчас время, не наше – мясоедовское, лохматых, вот пусть они отдуваются. Недавно в горах появились совсем уже голые – без шерсти – Сержант говорил, в одних шкурах, а вожак у них на Незнакомца похож. Вот и разберись что к чему. Запутался я, да и пора идти – мать зовет. Так что если увидимся, то не раньше зимы, когда на дальних отрогах снег появится, но до этого, жаль, далеко, я еще успею сбегать на Склон – вдруг что-нибудь узнаю и тогда расскажу, ну а сейчас – пока, побежал я – орехи колоть.

Жена Рассказ

Ты приехала первым автобусом.

Мы вышли на крыльцо и увидели тебя идущую по тропинке, по которой обычно добирались со станции.

Я сбежал через две ступеньки вниз и взял у тебя сумку. Но прежде Дина обогнала меня и, счастливо махая хвостом, ткнулась тебе в колени и, умиленно и преданно заглядывая в лицо, потрусилась рядом.

Я чмокнул тебя в щеку, забрал тяжелую сумку и, преднамеренно не задавая вопросы, шел росистым краем тропинки, уступая дорогу.

Я был немного недоволен, ведь тебе нельзя было носить тяжестей. И по тому, как ты шла и молчала, как натружено светилась грусть в твоих глазах, понял, что вопрос решен и решен окончательно, но все равно шел и боялся спросить, отдавая этот неизбежный момент и надеясь неизвестно на что. «Господи, неужели это случится, неужели это должно случиться... Но почему!!! Почему? – твердил я уже в который раз. – Почему это происходит с нами? Почему ни с кем-то другим? Почему уже нельзя ничего остановить и можно только ждать событий, вглядываясь в их жестокую череду».

Мы вошли в дом. Я поставил сумку на кухне возле плиты. Ты пошла в комнаты. У нас было две маленькие комнаты с большими окнами. Ты пошла в комнаты, расстегивая на ходу куртку и оглядывая все вокруг, словно не была здесь очень давно. И я понял, что ты там натерпелась и тебе приятно быть дома, и ты снова узнаешь его, и дом узнает тебя.

Ты провела ладонью по кафелю печи. Печь на ночь не топилась, и сейчас у нас было холодно. Ты пошла дальше в спальню, посидела на краю дивана, листнув книжку, которую я читал тоскливым вечером, сбросила куртку и подошла ко мне.

– Ну что? – спросил я.

Наверное, ты боялась этого вопроса не меньше меня. Веки твои дрогнули, и в уголках, в изгибе морщинок, собралась влага.

– А... – ты махнула рукой.

И прежде, чем ты добавила, мне все стало ясно...

– ... все по-старому, сказали, надо ложиться...

– Когда?

– Через неделю...

У меня перехватило дыхание. Всего неделя! Значит, у нас всего неделя!!! А потом...

– А что?..

– Сказали, что это несложно, – ты усмехнулась, – даже с моим больным сердцем.

Ах, как хорошо я тебя знал. Я знал каждый твой жест, глаза, интонацию. Я понял, что, быть может, ты обманываешь меня, что такая легкая фраза несет в себе нечто большее... И мне стало страшно.

– Пить хочу, уморилась, – сказала ты.

– У меня есть молоко и каша. Будешь кашу?

Ты сняла с полки глиняные миски и принялась хозяйствовать на плите, а я пошел за молоком в сени.

Сегодня утром я ходил на ферму и принес ведро парного молока. Я знал, что ты не любишь парного молока, поэтому часть отлил в крынку, а остальное – в кастрюлю и поставил томиться в духовку, пока оно не покрылось коричневой пленкой.

Мы вышли почти ночью, в то время, когда еще только-только наступал новый день. В сосновой роще и по берегам стоял туман. Но прежде, чем перейти мосток, мы выкупались в предрассветной Двеснянке. Как и все водолазы, Дина обожала воду. Она разогнала сонных лягушек и тишину раннего утра. От расплывшейся по воде шерсти спина ее казалась еще шире. Мы проплыли до огромных иссяно-зеленых лопухов на другом берегу. Солнце еще не взошло, и ночная прохлада еще не отступила в их мрачно-влажную тень. Это происходит позже – днем, – когда из деревни сюда приходят важные гусаки и выводки, подросшие за лето, начинают шнырять в густых зарослях, а Дина деланно-равнодушно отворачивать морду, и я уведу ее подальше от соблазна...

Коров выгоняли рано, и мне всегда оставляли молоко. Я шел и представлял, с каким удовольствием мы будем пить это молоко, смотреть в окно, за которым догорают последние сентябрьские дни, говорить о чем-то приятном, повседневном, и вокруг тоже будет все повседневное, обычное: старый скрипучий дом, стол, иструганный и истертый до неузнаваемости, колченогие табуреты, темные, прокопченные до моренной грубости стены, крашеное голубое оконце, подоконник, где стоят керосиновая лампа, солонки, банки с сушеным укропом и петрушкой, вязаный крупный лук в углу, большая беленая трехконфорная плита, возле которой приятно отогреваться зимой после лыжных вылазок – снег расплзается от ботинок по жестянке под гудящим поддувалом, подтекает под желтеющие свежерубленные поленья, и все это остро пахнет морозистой влагой и березовым смолистым духом, – летом же на кухне прохладно, с луга приносится запах кошеной травы, на веранде висят два гамака, а в комната залита солнцем до самого заката...

Вот уже много лет мы приезжаем в этот дом. Но когда тебе пятый десяток и ты знаешь, что это твой последний дом, совсем по-иному видишь скос перил, почерневший палисадник и далекое поле за рекой.

Когда я вернулся, ты уже нарезала хлеб и сидела у окна.

Господи, как хорошо я знал тебя в этом настроении. Ты была вся, как ежик, колючая.

– Может, поедem домой? – спросил я.

– Нет, – ответила ты, – давай эту неделю проведем здесь.

– И сходим в Лосиную рощу?

– Да...

– ... и на озера?

– Да.

На эти озера мы собирались весь отпуск. Еще дома вечерами за чаем обсуждали, какие взять вещи, кому нести палатку. Палатка у нас была легкая – всего два кило, и я всегда соглашался, что ты понесешь палатку. Потом ты говорила – никаких рыбацких снастей: ни спиннингов, ни закидушек, ни бредней. Я тут же соглашался и сейчас же выторговывал себе леску и десяток крючков – на большее ты не уступала, да и я не настаивал. Мы мечтали, что будем бродить от озера к озеру по мшистым берегам вдоль болотистых рукавов и останавливаться, где вздумается.

– В самых красивых местах! – восклицала ты.

– В самых красивых местах, – кивал я. – А ее возьмем?

И мы смотрели на Дину, дремлющую между нами.

– А как же, обязательно. Как же без нее – главного гуляльщика.

Но отдых не удался. Мы возились на даче и дальше Двеснянки не выбирались. А когда собрались, события повернулись так, что тебе надо было ехать на консультацию.

Мы поели, и ты пошла отдыхать, а я стал мыть посуду.

Вдруг ты засмеялась там в комнатах. Я с полотенцем в руках вошел к тебе. Ты стояла у окна в гостиной и смеялась так, как может смеяться только счастливая женщина.

– Чего смеешься? – спросил я немного грубовато.

– Не знаю, – ответила ты беззаботно. – Просто так, – и опять засмеялась, но не так, как мгновение раньше, а с каплей грустинки, словно очнулась и что-то вспомнила: – Смотри, что я нашла, – и протянула мне на ладони блестящий, отполированный твоею рукой каштан.

И я вспомнил! Я вспомнил прошлогоднюю осень. Ту счастливую пору...

У нас была привычка гулять вечерами перед сном. Мы выбирались часов в десять, когда спадал поток машин и город становился сонным и тихим. Мы бродили по осыпающимся аллеям. Каштаны теряли свои плоды, и мы их собирали, пока не набивали полные карманы.

Но этот – я помню – этот я нашел и подарил тебе отдельно. Вот здесь, в середине, у него большое углубление, как чаша. Весь этот год ты носила его с собой.

В тот октябрь шли теплые дожди. На асфальте блестели лужи и мокрая листва. В один из таких вечеров мы и нашли Дину. Конечно, тогда мы не знали, что это Дина, и даже не знали, кто кого нашел. Просто из темноты вдруг вынырнула лохматая черная собака и пробежала так близко, что мы оба шарахнулись в сторону. Уж слишком огромной она показалась нам. Собака пробежала вперед и пропала в темноте, но через минуту появилась снова.

– Опять этот пес, – сказала ты.

Если бы не вечер, мы бы разглядели его сразу. Мы бы увидели, что у него добрые карие глаза с голубоватой поволокой, как у месячных щенков, что на груди белое пятнышко и что он прихрамывает на переднюю правую лапу.

– Давай возьмем его! – воскликнула ты с жаром.

– А как ты себе это представляешь? – высказал сомнения я. – Я, например, боюсь...

– Ну что ты... Он все время крутится рядом...

Ты это произнесла как самый весомый аргумент!

Собака снова обогнала нас и теперь лакала воду из лужи.

Но, видно, ты уже почувствовала ее.

– Ну, пожалуйста... давай возьмем...

– А как? как физически? Вдруг он не захочет?

– Захочет. Смотри – смотрит на нас.

И правда, собака оторвалась от лужи и задумчиво уставилась в нее, скосив голову, словно прислушиваясь к нашему разговору.

Ты посвистела, но сделала так неумело, что пришлось помочь тебе.

Собака вильнула хвостом.

– Я тебя умоляю... – ты даже подпрыгнула от нетерпения и дернула меня за руку: – Ради меня...

– И ты потом не пожалеешь?

– Не пожалею, – ты уже не глядела в мою сторону, ты уже видела себя хозяйкой этого великолепного черного существа и наверняка представляла его у нас в квартире и на прогулке в парке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.